

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

В. Г. НЕМИРОВСКИЙ

**Регионы Восточной и Западной
Сибири в контексте социокультурных
трансформаций и модернизационных
процессов в России
(2010 – 2012 гг.)**

Валентин Немировский

**Регионы Восточной и
Западной Сибири в контексте
социокультурных трансформаций
и модернизационных процессов
в России (2010–2012 гг.)**

«Сибирский федеральный университет»

2012

УДК 316.334.52 316.752
ББК 60.5

Немировский В. Г.

Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.) / В. Г. Немировский — «Сибирский федеральный университет», 2012

Монография посвящена анализу современных социокультурных трансформаций и модернизации в регионах Восточной и Западной Сибири. Данные процессы изучаются на фоне аналогичных изменений, происходящих в России в целом. Объектом более глубоких исследований выступает Красноярский край. Ситуация рассматривается в контексте тенденций трансформации существующей в настоящее время в России неолиберальной антиутопии. Представлена попытка выявить некоторые социокультурные аспекты будущей утопии. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае» № 11-03-00250. Для научных работников, преподавателей вузов, студентов, работников органов управления.

УДК 316.334.52 316.752
ББК 60.5

© Немировский В. Г., 2012
© Сибирский федеральный университет, 2012

Содержание

Предисловие	5
1. Социокультурный контекст современной модернизации в России	8
2. Представления населения о модернизации и инновациях на фоне объективной ситуации в Сибирских регионах	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Немировский, В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.)

Предисловие

Настоящая монография посвящена анализу социокультурных трансформаций в контексте модернизационных процессов в регионах Восточной и Западной Сибири. В течение последних лет в России опубликовано немало исследований, посвящённых модернизации страны. Издан ряд программных статей, обнародованы выступления высших государственных руководителей по этой тематике. Предприняты некоторые конкретные решительные действия по модернизации страны. В этой связи логично возникает вопрос о результатах и перспективах модернизационной (как, впрочем, и инновационной) деятельности в нашей стране. Об «особости» России и её пути говорилось не раз. Но нельзя не учитывать, что Россия – огромная, поликультурная держава, состоящая из десятков административно-территориальных образований. Не секрет, что многие из них находятся на достаточно низком уровне социокультурного и экономического развития и требуют специальной поддержки, прежде всего, финансовой. Другие регионы традиционно выступают богатейшей природной кладовой для всей страны, сами же зачастую оказываются незаслуженно обделёнными. Это нередко приводит к обсуждению проблемы «сырьевых придатков России».

Важное место среди них занимает Сибирь, отличающаяся не только воистину неизмеримыми сырьевыми и территориальными ресурсами, но и весьма существенными социокультурными особенностями. Как они влияют на модернизационные процессы в России в целом, способствуют ли повышению их эффективности или, наоборот, выступают одним из тормозов на пути развития нашей страны? К формированию каких новых ценностей и форм поведения людей приводят модернизационные процессы? Наконец, как подобные процессы протекают в самой Сибири, исконно неотделимой, но весьма специфичной части российской территории? Как живут сегодня сами сибиряки? Лучше или хуже, чем другие россияне?

Ответить на эти и другие вопросы мы попытались в данной работе. Исследования, лежащие в её основе, осуществлены социологами Сибирского федерального университета с учётом Типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Программа и методика опираются на разработанный доктором филос. наук, профессором, чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным социокультурный подход¹, а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социол. наук, профессором Л.А. Беляевой². Были сформулированы и дополнительные индикаторы для изучения социокультурных и модернизационных процессов в регионах Сибири.

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и её регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 15-40.

² Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – С. 41-64.

В исследованиях сочетались количественные и качественные методы сбора и анализа данных³.

Опрос населения был осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов в 28 населенных пунктах Красноярского края, по стратифицированной многоступенчатой районированной квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между людьми, проживающими в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структурой взрослого населения Красноярского края. Объем выборки в 2012 г. составил 1300 человек. Кроме того, был проведен экспертный опрос: в 2012 г. в Красноярском крае методом формализованного полуструктурированного интервью было опрошено 220 экспертов.

Выборочная совокупность исследования населения с помощью глубинного интервью была рассчитана исходя из половозрастной, территориальной структуры региона, а также с учётом уровня образования респондентов, тем самым выборочная совокупность репрезентирует население Красноярского края. Она составила 192 человека, проживающих в 22 населённых пунктах на территории Красноярского края, с которыми были проведены формализованные глубинные интервью в 2012 г..

Для изучения социальных представлений населения края о своём регионе, России, федеральной власти и региональной власти в процессе проведения глубинного интервью использовался также направленный ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент представляет собой метод, предназначенный для выявления существующих у индивида ассоциаций и первоначально был заимствован социологами из арсенала психосемантических методов⁴. В последние годы он широко применяется в социально-политических, маркетинговых, социокультурных исследованиях. В данном случае он оказался весьма эффективен для анализа социальных представлений жителей сибирского региона, поскольку ориентирован на выявление массового (или «социального») бессознательного респондентов, сфера которого частично «перекрывается» социальными представлениями.

В 2010 г. опрос населения Красноярского края также был осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона (в Республике Хакасия – в 11), по аналогичному типу выборки, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов⁵. Её репрезентативность обеспечивалась соблюдением пропорций между людьми, проживающими в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Республики Хакасия. Объем выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия – 600 респондентов. Данные анкетного опроса прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с применением факторного и корреляционного анализа.

Кроме того, в ряде разделов монографии использовались результаты исследований, проведённых нами по аналогичной методике в 2011 г (опрошены методом формализованного

³ Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае» № 11-03-00250.

⁴ Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология 4М. – 2007.– № 24. – С.149-168; Сикевич З. В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб.: ПИТЕР, 2005. – 250 с. и др.

⁵ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03 – 00001а.

интервью 1250 респондентов в Красноярском крае), а также экспертный опрос, который в 2010 г. был посвящен изучению мнения 150 экспертов, проживающих в Красноярском крае. Он проводился методом формализованного интервью с помощью специально разработанной анкеты, включающей методику изучения характеристик базовых социокультурных типов регионов, разработанную доктором филос. наук, проф., чл.-кор. РАН Н.И. Лапиным⁶. В данном исследовании в качестве экспертов выступили преподаватели общественных наук в вузах (социологи, историки, политологи, экономисты, культурологи), видные представители СМИ, руководители крупных негосударственных компаний, представители общественного сектора, институтов гражданского общества. Опрошенные эксперты являются ключевыми «социальными агентами» и во многом влияют на процесс становления общественного мнения по важным вопросам функционирования и развития региона. Данные «агенты» активно включены в информационное пространство территории, отличаются наличием экспертного знания о социокультурном, политическом и экономическом развитии региона, в то же время эти персоны не задействованы напрямую в структурировании социально-политической картины региона (с позиции принятия административных решений).

Использованы данные, полученные в результате опросов по аналогичной методике в Алтайском крае (2010 г., n = 1200), Республике Хакасия (2010 г., n = 600), Омской области (2008 г., n = 1230), Новосибирской области (2010 г., n = 500), России в целом (2010 г., n = 1163)⁷.

Тем самым, в настоящей работе сочетаются количественные методы исследований (формализованное интервью, полученные в результате которого данные обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с применением корреляционного и факторного анализа) и качественные – глубинные интервью и направленный ассоциативный эксперимент; для обработки полученных с их помощью данных использовался контент-анализ.

⁶ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы/ Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2006. – 328 с.

⁷ Автор выражает искреннюю признательность руководителю российского проекта д-ру филос. наук, чл.– корр. РАН Н.И. Лапину и руководителям региональных проектов за возможность использования баз данных по этим регионам.

1. Социокультурный контекст современной модернизации в России

Модернизационные процессы в регионах Сибири обладают известной спецификой, однако их нельзя рассматривать вне общего контекста данных процессов во всей нашей стране, а также не учитывать при этом и важные элементы глобальной ситуации в мире. Более того, не будет преувеличением сказать, что Сибирь выступает важным фактором модернизации России в целом, как создающим благоприятные условия для его протекания, так и, в известной мере, способным оказывать на неё замедляющее воздействие.

Модернизация в современной России в наиболее общем плане есть не что иное, как попытка ответа на вызовы и риски, которые диктует современное состояние мирового социума. Не случайно в отечественной научной и публицистической литературе распространено мнение, согласно которому модернизация в нашей стране, как правило, носила вынужденный характер, диктовалась противодействием влиянию ряда негативных факторов, в т.ч. внешних. Нередко идёт речь о так называемой догоняющей модернизации. Поэтому трудно не согласиться с авторами доклада «Культурные факторы модернизации» в том, что современная российская модернизация – это не просто выбор элит, а жизненная необходимость. Или наша страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрчивая природные ресурсы. Однако победу в начатой игре на повышение никто не гарантирует. Начиная с 1950-х гг. почти полсотни стран объявляли о начале модернизации, и лишь каждая десятая из них предъявила успешный и стабильный результат, который можно рационально описать и объективно измерить⁸. Не случайно проблемы современной модернизации России активно привлекают внимание отечественных учёных.⁹

Как известно, начиная со второй половины прошлого столетия в западной социологии активнейшим образом изучалась модернизация человеческого общества. Сформировались различные подходы и точки зрения относительно этого феномена. И тем не менее чёткая характеристика современной модернизации является невозможной без определения того места, которое занимает данная страна и её различные регионы на «шкале цивилизационного прогресса». Так, китайский учёный Хэ Чуаньцы выделил 10 основных теорий модернизации, которые за этот период возникли на Западе¹⁰. Вместе с тем им была разработана оригинальная теория модернизации (впервые опубликованная в 1998 г.), которая позволяет эффективно проанализировать как состояние, так и динамику модернизационных процессов в различных странах и их отдельных регионах¹¹. Как отмечают Н.И. Лапин и Г.А. Толсунян, «ключевой характер имеет выделение автором двух стадий модернизации: *первичной* и *вторичной*. Каждая стадия связана с соответствующей эрой цивилизационного процесса: первичная модернизация – с индустриальной эрой, вторичная – с информационной эрой, или эрой знаний. Каждая стадия включает четыре фазы эволюции: начало, развитие, переход к следующей стадии. Хэ Чуа-

⁸ Аузан А.А. и др. Культурные факторы модернизации. Доклад – Фонд поддержки гражданских инициатив – Стратегия 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategy-2020.ru/en/node/64>

⁹ Горшков М.К. и др. Готово ли российское общество к модернизации. – М., 2010. – 342 с.; Аринин А.Н. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке. М., 2008. – 319 с. и др.

¹⁰ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина; Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Толсунян. – М.: Весь мир, 2011. – С. 236-239.

¹¹ Там же.

ныцы называет и третье состояние – интегрированную модернизацию, которую понимает как координированное развитие первичной и вторичной модернизаций»¹².

Следует согласиться с мнением этих авторов: «результаты фундаментальных и прикладных исследований китайских специалистов свидетельствуют о том, что и в России важно различать две стадии модернизации – индустриальную (первичную) и информационную (вторичную), а также различные фазы их динамики в разных по экономическому и социокультурному уровню группах регионов (субъектов Российской Федерации)»¹³.

Опираясь на подход китайского учёного Хэ Чуаньцы, можно говорить о начале первичной модернизации как о вступлении государства на путь развития индустриального общества, а её завершение и переход ко вторичной модернизации свидетельствуют о начале формирования постиндустриального (информационного) общества.

Отметим, что принято выделять два основных «параметра» модернизации: научно-технический (техничко-экономический) и социокультурный. На наш взгляд, ведущую роль в осуществлении модернизационных процессов играют именно социокультурные факторы, действие которых может как открывать широчайшие просторы для эффективной научно-технической модернизации, так и серьёзно тормозить, а то и просто полностью блокировать её. В этой связи нельзя не поддержать точку зрения члена-корреспондента РАН, профессора, д-ра филос. наук Н.И. Лапина: «При оценке достигаемого уровня требуется учитывать **человеческие измерения модернизации**, которые характеризуются не только статистическими данными об условиях жизнедеятельности населения, но и тем, как эти условия оцениваются самим населением (эти оценки можно получить с помощью социологических опросов). Процесс повышения их параметров есть **социокультурная модернизация**. Модернизированным можно считать такое состояние страны, когда величины этих измерений сбалансированы, а уровень каждого из них не ниже среднего для стран соответствующего мегарегиона человеческого сообщества; для России это европейско-российский регион»¹⁴. С учётом конкретных индикаторов социокультурную модернизацию Н.Е. Тихонова определяет как «процесс формирования при переходе к обществам индустриального типа новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов и т. д., а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля»¹⁵. Тем самым под социокультурной модернизацией подразумевается обычно *формирование новых систем ценностей, включая рост роли достигательных ценностей, распространение индивидуализма, рационального, что в совокупности создает базу и для формирования мотивации успеха, а также формирование нового типа мышления – новых социальных институтов*¹⁶.

Важно отметить такую особенность модернизации, как её неравномерность или нелинейность. Как указывают зарубежные классики социологического изучения модернизации Р. Инглхарт и К. Вельцель, «модернизация – процесс нелинейный, и динамика культурных изменений отнюдь не напоминает ровный путь от индустриализации к «концу истории». Изменения в культурной сфере меняют свою направленность в ответ на масштабные сдвиги в условиях существования людей. Так, начало индустриализации не ознаменовалось выраженным переходом к ценностям самовыражения. Более того, в некоторых доиндустриальных обществах лич-

¹² Там же. Н.И. Лапин, Г.А. Толсунян. Вступительное слово к русскому изданию. – С. 8.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад центра изучения социокультурных изменений. С.16. – Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-k-integrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskij-doklad-centra-izucheniya-sociokulturnyx-izmenenij.html

¹⁵ Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии РАН. – 2011. – № 3. – С. 12.

¹⁶ Готово ли российское общество к модернизации: Аналитический доклад / Рук. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2010. – С.48.

ной независимости, составляющей основу ценностей самовыражения, судя по всему, придавалось даже больше значения, чем в индустриальных. В индустриальную эпоху первостепенное внимание уделяется накоплению материальных благ и экономическому росту, а массовое конвейерное производство требует слаженности и дисциплины, а не индивидуального творчества и самовыражения»¹⁷.

Действительно, как разъясняют свою позицию указанные авторы, поворот от ценностей индустриальной эпохи к постиндустриальным подрывает многие из ключевых институтов индустриального общества. В сфере политики распространение постиндустриальных ценностей приводит к ослаблению авторитета власти и усилению акцента на участии людей в общественной жизни и самовыражении. В авторитарных государствах эти изменения способствуют демократизации, а в демократических – ведут к утверждению «прямой демократии», менее элитарной и более конкретной. В любом случае переход к ценностям самовыражения, по их мнению, придаёт демократии более «подлинный характер»¹⁸.

На наш взгляд, весьма важно обратить внимание на тот факт, что, по мнению цитированных авторов, «модернизация в культурной сфере не является необратимой. В её основе лежит социально-экономическое развитие. А, значит, продолжительные и глубокие экономические неурядицы могут развернуть процесс вспять, что мы и наблюдали в 1990-х годах в большинстве постсоветских государств»¹⁹.

Существует и такой нетривиальный взгляд на модернизацию, который был выражен в нашумевшей на Западе работе известнейших учёных Д. Норты, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества».²⁰ Из неё, по сути, вытекает, что наиболее успешные страны мира выступают исключением из общего естественного хода истории. Одним из следствий данного подхода служит представление о том, что нормальным является режим натурального, естественного государства, модернизация же «необязательная» задача, стоящая перед каким-либо государством, которую оно может как решить, так и не решить.

В самом деле, для России характерно существование объективных, «естественных» факторов сдерживания модернизации, «подталкивающих» её к существованию в режиме «натурального» или естественного государства. И громадные природные ресурсы сибирских регионов играют здесь немаловажную роль. В этой связи в некоторой степени можно согласиться с Д.В. Трубицыным, с точки зрения которого есть основания сомневаться, что факторами сдерживания модернизации России до настоящего момента являются культурные, ментальные особенности российского общества либо "правильный" или "неправильный" политический курс. Таким единственным фактором, по его мнению, выступает наличие почти неограниченных природных ресурсов, не активизирующее механизм модернизации. Напротив, модернизационный процесс в Китае, странах Юго-Восточной Азии и Японии, в Западной Европе начиная с XI-XII вв. обусловлен географической стесненностью и недостатком ресурсов для продолжения экстенсивного типа хозяйствования, чем является аграрное общество.²¹ Автор приводит данные учёных-экономистов, согласно которым сопоставления в межстрановых исследованиях показали ускоренное интенсивное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в. и Японии по сравнению с Россией в конце XIX – начале XX в. В результате был сделан вывод, что для стран, в экономике которых доминируют природные ресурсы, харак-

¹⁷ Инглхардт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М. 2011. – С. 59.

¹⁸ Цит. соч. С.72.

¹⁹ Инглхардт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М., 2011. – С. – 72.

²⁰ North D., Walliss J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press, 2009. – 308 p.

²¹ Трубицын Д.В. "Модернизация" и "негативная мобилизация". Конструкты и сущность // СоцИс. – 2010. – № 5. – С. 7.

терны низкие темпы экономического роста²². На наш взгляд, верно указывая на роль ресурсных факторов модернизации, данный автор всё же излишне гиперболизирует и демонизирует его.

Близкой, но более обоснованной и взвешенной позиции придерживается О.Н. Яницкий, согласно ёмкой характеристике которого модернизация ресурсной модели будет означать ускорение нашего отставания от Запада, потому что ресурсная модель нашего общества зиждется на достижениях третьей технологической революции (середина XX в.), а динамизм западного общества, основанный на информационных технологиях, все время возрастает. Ресурсная модель модернизации и основанная на ней модель потребительского общества не предполагают серьезных изменений в социальной структуре общества, в ее ценностных ориентирах. То, что является мотором модернизации – «впередсмотрящая элита» и связанный с нею слой инноваторов, – отсутствуют в данной связке. Всегда проще и эффективнее купить на Западе модернизированные технологии по добыче и переработке ресурсов и привлечь западных специалистов для их наладки, используя отечественную рабочую силу как временную и подсобную, чем создавать дорогостоящую школу подготовки своих ученых и технического персонала. Автор делает вывод, что при этом российские специалисты в массе будут деградировать или останутся на вторых ролях, а модернизации в соответствии с ресурсной моделью будет означать ускорение нашего отставания от Запада, потому что ресурсная модель нашего общества зиждется на достижениях третьей технологической революции (середина XX в.)²³.

Как считают авторы Аналитического доклада «Готово ли российское общество к модернизации», *наиболее вероятный в сознании населения сценарий развития России, определяющий ее положение на международной арене, – это все больший экспорт природных ресурсов, выполнение роли поставщика сырья для глобальной экономики. Кроме того, россияне возлагают надежды на культурный потенциал страны, а также на природную среду, способные привлечь туристические потоки. Те же роли, которые связаны с изменением структуры производства, развитием науки и наукоемкого производства, подготовкой новых высококвалифицированных кадров для того, чтобы составлять конкуренцию другим странам мира, представляются россиянам гораздо менее вероятными, по крайней мере, пока не изменится та институциональная матрица, в которой решающую роль в развитии общества играет коррупция, где не обеспечено равенство граждан перед законом и т.д.*²⁴.

Признавая важную негативную роль «ресурсного проклятия» как препятствия на пути модернизации России, однако всё же исходя из посылки необходимости её осуществления, мы не можем не согласиться с тем, что модернизация начинается с правильного настроения. При этом особое значение имеет гуманитарная составляющая: ценности и принципы, мораль и мотивации, установки и системы запретов²⁵. По мнению авторов доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра», в начале текущего века России предстоит разрешить фундаментальный ценностный конфликт. Ресурсный социум, базирующийся на сырьевой экономике, традиционно располагает к освящению власти и государства – верховного распределителя («дарителя») благ. Вырабатывается отношение к населению отчасти как к обузе, отчасти как к возобновляемому ресурсу (расходному материалу) исторических свершений, титанических производств и т.д., вплоть до понимания социальной массы как предмета политтехнологических манипуляций. Складывается целая *цивилизация низких переделов*, культура недоделанности; сама наша страна оказывается вечной заготовкой под будущее правильное существование.

²² Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы "ресурсного проклятия" и экономическая политика // Вопр. экономики. – 2007. – № 7. – С. 4 – 27.

²³ Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // СоцИс. – 2010. – № 7. – С. 18-19.

²⁴ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад / Рук. М.К. Горшков. – М.: Ин-т социологии РАН, Пред-во Фонда им. Ф. Эберга в РФ, 2010.

²⁵ Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – С.6 .

Однако теперь и впредь попытки привычной для России модернизации ресурсно-мобилизационного типа не только бесперспективны, но и невозможны²⁶.

Как подчёркивает Н.Е. Тихонова, «социальная модернизация в России не просто не завершена – в последние десятилетия она фактически застопорилась. Это не может не отражаться и на реализации в России процессов культурной динамики»²⁷. Сказанное непосредственно относится и к регионам Сибири. Более того, социальные и культурные аспекты модернизации в них зачастую развиваются несколько иначе, нежели в Центральной России.

Одну из главных ролей в разрешении вышеназванного ценностного конфликта в стране, связанного с ресурсным базисом отечественного социума, могут сыграть сибирские регионы, которые в настоящее время в значительной мере выступают ресурсодобывающей «кладовой» России. Поэтому и перспективы всей современной российской модернизации трудно оценить без соответствующего анализа социокультурной ситуации в сибирских регионах, а также социокультурных препятствий на её пути.

Описанный выше подход Хэ Чуаньцы, дополненный Н.И. Лапиным, позволяет проанализировать состояние стадий и фаз модернизации в различных регионах России, в частности Восточной Сибири. Совмещение его с анализом ценностно-смысловых изменений в региональном социуме на фоне общероссийских тенденций даст возможность глубже проанализировать процессы социокультурной модернизации в стране, его последствия и перспективы.

²⁶ Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – С.6 .

²⁷ Тихонова Н.Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011/ Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. – Вып. 10. – М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-история. – С. 125.

2. Представления населения о модернизации и инновациях на фоне объективной ситуации в Сибирских регионах

Обратимся к объективным показателям модернизации российского общества. Как следует из представленной табл. 2.1, регионы СФО в среднем, как и Россия, достигли фазы зрелости первичной модернизации и до сих пор не приблизились к переходу ко вторичной. Подобная ситуация характерна и для страны в целом. По размеру индексов модернизации (ВМ, ПМ, ИИ) их средние значения по Сибирскому федеральному округу абсолютно совпадают со среднероссийскими показателями, а если сравнивать фазы стадий модернизации, то округ заметно отстает в своем развитии от среднероссийского уровня.

В Сибирском федеральном округе по уровню вторичной модернизации 8 регионов из 12-ти находятся ниже срединного уровня (Республика Алтай, Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская область, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Бурятия, Кемеровская область), Омская область достигла срединного уровня, Новосибирская область и Красноярский край превысили срединный уровень, и только Томская область находится на высоком уровне вторичной модернизации.

В соответствии с концепцией учёных из ЦИМ КАН, Россия может быть отнесена к среднеразвитым странам (по данным 2010 г. индекс вторичной модернизации составил 72 %). Как следует из табл. 2.1 данный показатель по регионам СФО в среднем 64 %, что позволяет сопоставить их по данному параметру с уровнем среднеразвитых стран мира, находящихся в интервале 52-79 среднемирового значения показателя индекса вторичной модернизации²⁸.

Можно предположить, что именно доминирование промышленного производства в ряде сибирских регионов по сравнению с иными сферами хозяйственной деятельности ещё долгое время будет служить тормозом на пути развития процессов вторичной модернизации. По сути, многие регионы Сибири продолжают выступать ресурсодобывающими и отчасти перерабатывающими «придатками» лежащих к западу от Урала территорий России, в ряде которых создаются более благоприятные условия для вторичной модернизации.

При этом нельзя не учитывать, что развитие вторичной модернизации в сибирских регионах тормозится процессами, которые описываются статистическими индикаторами, обобщёнными в индексе инновации знаний и в индексе качества экономики. Отметим, что первый характеризует эффективность научно-исследовательской, проектной и изобретательской деятельности, второй отражает индикаторы ВВП в регионе, а также степень развития нематериальной сферы хозяйства в нём.

Таблица 2.1

Вовлеченность регионов России в процессы модернизации, 2010 г.

²⁸ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина; Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Толсунян. – М.: Весь мир, 2011. – С. 52.

Россия, федеральные округа, регионы	Уровни ВМ	Индексы			Фазы стадий, их значения	
		ВМ	ПМ	ИИ	ПМ	ВМ
Россия	Выше срединного	72	99	62	Зрелость 3,5	0,75
Россия-1	Срединный	64	98	59	Зрелость 3,5	0,75
Северо-Западный (11)	Выше срединного	79	99	69	Переход 3,75	Начало 1,0
Санкт-Петербург	Высокий	92	100	84	Переход 4,0	Рост 2,0
Республика Коми	Срединный	66	99	60	Переход 3,75	Подготов. 0,25
Архангельская область	Срединный	61	99	58	Переход 3,75	Подготов. 0,25
Мурманская область	Выше срединного	71	99	66	Зрелость 3,5	0,5
Ненецкий АО	Срединный	66	92	64	Зрелость 3,25	0,0
Республика Карелия	Срединный	65	99	58	Зрелость 3,25	0,5
Ленинградская область	Срединный	63	98	57	Зрелость 3,25	0,0
Новгородская область	Срединный	61	97	57	Зрелость 3,25	0,25
Калининградская обл.	Ниже срединного	60	98	59	Зрелость 3,25	0,25
Псковская область	Ниже срединного	57	94	55	Зрелость 3,0	0,25
Вологодская область	Ниже срединного	56	97	54	Зрелость 3,25	0,0
Центральный (18)	Выше срединного	85	100	73	Переход 3,75	Начало 1,5
Москва	Высокий	107	100	89	Переход 4,0	Рост 1,75
Московская область	Высокий	84	99	70	Переход 4,0	Рост 1,75
Ярославская область	Срединный	66	99	60	Переход 3,75	Начало 0,75
Владимирская область	Срединный	62	95	58	Переход 3,75	Подготов. 0,0
Ивановская область	Срединный	62	93	58	Переход 3,75	Подготов. 0,25
Калужская область	Выше	76	97	63	Зрелость 3,25	0,75

	срединного					
Воронежская область	Срединный	67	96	61	Зрелость 3,0	1,0
Тульская область	Срединный	64	96	66	Зрелость 3,5	0,25
Тверская область	Срединный	64	94	57	Зрелость 3,25	0,5
Курская область	Срединный	61	95	57	Зрелость 2,75	0,25
Белгородская область	Ниже срединного	60	98	55	Рост 2,5	0,0
Рязанская область	Ниже срединного	59	96	56	Зрелость 3,0	0,0
Смоленская область	Ниже срединного	59	95	55	Зрелость 3,0	0,25
Орловская область	Ниже срединного	57	95	55	Зрелость 3,0	0,5
Тамбовская область	Ниже срединного	57	95	53	Рост 2,5	0,0
Брянская область	Ниже срединного	56	94	54	Зрелость 3,0	0,75
Липецкая область	Ниже срединного	55	96	51	Зрелость 3,25	0,5
Костромская область	Ниже срединного	55	95	53	Зрелость 2,75	0,0
Южный (6)	Ниже срединного	59	97	55	Зрелость 3,0	0,5
Ростовская область	Срединный	63	96	59	Зрелость 3,0	0,5
Краснодарский край	Ниже срединного	60	97	56	Зрелость 3,0	0,25
Волгоградская область	Ниже срединного	59	96	58	Зрелость 3,0	0,75
Астраханская область	Ниже срединного	59	96	56	Зрелость 3,0	0,25
Республика Адыгея	Ниже срединного	55	93	51	Рост 2,5	0,75
Республика Калмыкия	Предварительный	47	77	42	Начало 1,5	0,25
Северо-Кавказский (7)	Ниже срединного	54	94	52	Начало 1,2	0,25
Ставропольский край	Ниже срединного	59	92	55	Рост 1,5	0,5
Республика Кабардино-Балкария	Ниже срединного	58	91	55	Начало 1,0	0,5
Республика Северная Осетия	Ниже срединного	58	91	55	Начало 1,0	0,25
Республика Дагестан	Ниже срединного	57	91	56	Рост 1,7	0,75
Карачаево-Черкесская Республика	Ниже срединного	53	89	49	Традиц. 0,5	0,75
Республика Ингушетия	Предварительный	50	89	49	Рост 2,0	0,75
Чеченская Республика (оценки)	Предварительный	47	89	47	Начало 1,5	1,25
Приволжский (14)	Срединный	66	98	61	Зрелость 3,25	1,0
Нижегородская	Выше	76	98	65	Переход 3,75	Рост 1,75

область	срединного					
Пермский край	Срединный	65	97	66	Переход 3,75	Начало 1,5
Самарская область	Выше срединного	71	99	66	Зрелость 3,5	1,25
Ульяновская область	Срединный	68	99	63	Зрелость 3,0	0,75
Республика Татарстан	Срединный	66	99	66	Зрелость 3,25	1,25
Пензенская область	Срединный	64	95	59	Зрелость 3,0	0,5
Республика Башкортостан	Срединный	61	97	57	Зрелость 3,0	0,25
Саратовская область	Срединный	61	96	57	Зрелость 3,0	0,25
Удмуртская Республика	Ниже срединного	60	97	55	Зрелость 3,25	0,0
Кировская область	Ниже срединного	60	95	57	Зрелость 3,25	0,5
Чувашская Республика	Ниже срединного	59	95	55	Зрелость 3,0	0,5
Республика Мордовия	Ниже срединного	57	94	55	Зрелость 2,75	0,75
Оренбургская область	Ниже срединного	55	97	52	Зрелость 3,0	0,0
Республика Марий Эл	Ниже срединного	57	93	54	Рост 2,5	0,75
Уральский (6)	Срединный	68	99	62	Переход 4,0	Подготов. 0,25
Ханты-Мансийский АО	Выше срединного	74	96	68	Переход 4,0	Подготов. 0,0
Ямало-Ненецкий АО	Срединный	70	98	70	Переход 4,0	Подготов. 0,0
Свердловская область	Срединный	70	98	63	Переход 4,0	Подготов. 0,25
Тюменская область (юг)	Выше срединного	73	99	66	Зрелость 3,5	0,0
Челябинская область	Срединный	72	99	62	Зрелость 3,5	0,25
Курганская область	Ниже срединного	56	95	54	Зрелость 3,0	0,0
Сибирский (12)	Срединный	64	98	59	Зрелость 3,25	0,25
Томская область*	Высокий	81	100	72	Переход 3,5	Начало 0,75
Новосибирская область*	Выше срединного	79	97	68	Переход 3,5	Начало 0,75
Кемеровская область	Ниже срединного	57	98	56	Переход 4,0	Подготов. 0,5
Красноярский край	Выше срединного	72	9	62	Зрелость 3,25	0,5
Омская область	Срединный	63	97	58	Зрелость 3,0	0,75
Республика Бурятия	Ниже срединного	59	96	55	Зрелость 3,0	0,75
Забайкальский край	Ниже срединного	58	96	55	Зрелость 3,0	0,75
Республика Тыва	Ниже срединного	58	93	54	Зрелость 3,0	1,25
Иркутская область	Ниже срединного	57	98	60	Зрелость 3,5	0,5
Алтайский край	Ниже срединного	55	94	53	Рост 2,5	0,25

Республика Хакасия	Ниже срединного	54	97	53	Зрелость 3,5	0,5
Республика Алтай	Ниже срединного	53	89	50	Рост 2,5	0,75
Дальневосточный (9)	Срединный	63	99	61	Зрелость 3,5	0,25
Сахалинская область	Срединный	69	95	65	Переход 3,75	Начало 0,75
Республика Саха- Якутия	Срединный	66	99	61	Переход 3,75	Начало 1,0
Чукотский АО	Срединный	63	95	63	Переход 4,0	Подготов. 0,5
Магаданская область	Срединный	70	99	65	Зрелость 3,5	1,0
Камчатский край	Ниже срединного	67	95	62	Рост 2,5	0,75
Приморский край	Срединный	65	98	62	Зрелость 3,0	1,0
Хабаровский край	Срединный	64	98	62	Зрелость 3,25	1,0
Амурская область	Ниже срединного	59	97	57	Зрелость 3,0	0,75
Еврейская АО	Ниже срединного	55	95	55	Зрелость 3,0	1,0
<p><i>Обозначения.</i> ВМ – вторичная модернизация; ПМ – первичная модернизация; ИИ – интегрированный индекс модернизации; Россия-1 – все регионы, кроме городов Москвы и Санкт-Петербурга; уровни ВМ: высокое развитие (высокий) ≥ 81, среднее развитие 51-80 (выше срединного 71-80, срединный 61-70, ниже срединного 51-60), предварительное развитие (предварительный) 31-50, отставание 11-30; фазы стадий: подготовка 0,0-0,5, начало 0,6-1,5, рост 1,6-2,5, зрелость 2,6-3,0 (3,5), переход 3,6-4,0.</p> <p><i>Примечания.</i> Последовательность перечисления регионов федеральных округов (сверху вниз) соответствует уменьшению индексов вторичной модернизации (в рамках каждой стадии модернизации - ВМ и ПМ).</p> <p>* При определении фазы модернизации данного региона его ПМ-фаза повышена с формальной «зрелости» до «переходной»: с учетом особенностей и общего уровня модернизации региона. Инструментарий Центра исследований модернизации Китайской АН (ЦИМ КАН) допускает такую возможность.</p> <p><i>Источники.</i> Использован инструментарий ЦИМ КАН, который Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФРАН адаптировал к особенностям российской статистики. По данным статистических сборников Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» подсчеты по ряду регионов выполнили участники программы «Социокультурные портреты регионов», подсчеты в целом по федеральным округам выполнили сотрудники ЦИСИ ИФРАН (Центральный ФО), Института социально-экономического развития территорий РАН (Северо-Западный ФО), кафедры истории, культурологии и социологии Волгоградского ГТУ (Южный ФО), Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН (Северо-Кавказский ФО), кафедры государственного и муниципального управления Самарского ГУ и его Тольяттинского филиала (Приволжский ФО), лаборатории мониторинга регионального развития ТюмГУ (Уральский и Дальневосточный ФО).</p> <p>По Сибирскому федеральному округу материалы подготовлены сотрудниками кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского – координатор проекта К.И. Богомазов.</p> <p>Сводная таблица подготовлена ЦИСИ ИФРАН.</p>						

В данном контексте целесообразно проанализировать, как понимают термины «модернизация» и «инновации» сами респонденты.

В процессе глубинного интервью в 2012 г. жителям Красноярского края был задан вопрос: «Сейчас часто говорят и пишут об инновациях и модернизации. По-Вашему, что они означают? Для чего они нужны?». Контент-анализ ответов (всего было получено 159 ответов) жителей Красноярского края показал следующее (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Распределение ответов на вопрос: «Сейчас часто говорят и пишут об инновациях и модернизации. По-Вашему, что они означают?»

Категории	Характеристики, предложенные респондентами	%
Только слова	В нашей стране это чушь, этого нет, одни слова, если есть, то непродуманно, нечего модернизировать, так как все разрушено	21
Новые технологии	Телефоны, компьютеры и т.д.	16
Модернизация – это улучшение того, что есть, инновация – изобретение нового		16
Улучшения в сфере производства	Улучшение оборудования, производства	15
Наука	Новые идеи, достижения интеллекта, развитие науки	6
Не знаю		6
Нововведения		6
Нанотехнологии	Нанотехнологии, Чубайс, Сколково	4
Улучшения в области медицины		4
Отмывание денег		3
Улучшения в сфере экономики	Новое в экономике, в бизнесе	2
Модернизация армии		1

Как видим, наиболее распространённым толкованием модернизации и инноваций среди жителей региона является понимание её в форме «пустых, малозначащих слов»: «в нашей стране это чушь, этого нет, одни слова, если есть, то непродуманно, нечего модернизировать, так как все разрушено» – 21 %. По распространённости далее следует толкование данных понятий, как «новых технологий» – 16 %. Столько же ответивших понимают под модернизацией улучшение того, что есть, а инновациями – изобретение нового – 16 %. Ещё 15 % опрошенных жителей Красноярского края трактуют эти понятия как «улучшения в сфере производства». «Нововведениями» назвали предложенные им термины 6 % респондентов, ещё столько же – просто «наукой». У 4 % опрошенных понятия «модернизация и инновации» ассоциируются с «нанотехнологиями, Чубайсом и Сколково», практически столько же респондентов воспринимают их как «улучшения в области медицины», 3 % – «улучшения в экономике», 2 % – «модернизацию в армии». Для 3 % опрошенных жителей края модернизация и инновация – это просто отмывание денег, а 6 % затруднились ответить на данный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.